

Марк Рабинович

Переплетение времен



ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Р12

Рабинович М.

Переплетение времен / Рабинович М. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 177 с.

ISBN 978-5-532-93232-6

Эта книга служит продолжением "Пересечения времен". Израильтянин Арье Ковнер и обретенная им любимая из X-го века спокойно живут в современном Израиле. Они еще не знают, что на средневековый Киев снова идут враги: неведомые чудовища и их поводыри. Решающее сражение должно произойти в тех же самых Загоричах, где Арье сражался со змеями, но теперь это век IX-й и даже самих Загоричей еще нет. Зато это село существует в современной Украине, и там у Арье есть друзья. А в IX-м веке ему еще предстоит обрести и друзей и врагов. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Век XXI-й	6
Проблемы XXI-го века	7
На грани прошлого	27
Век IX-й	43
Любимец богов	44
Лес и Поле	69
Тень крыльев	94
На грани будущего	119
Век XXI-й	154
Заворичи принимают бой	155
Защитники прошлого	169

Предисловие

Если ты, мой уважаемый Читатель, взялся за эту повесть, не прочитай предварительно "Пересечение Времен", то тебе многое будет непонятно. Поэтому, позволь представить тебе тех персонажей и те названия, которые "Переплетение" наследует из "Пересечения". Если же они тебе уже знакомы, то просто перелистни страницу. Итак:

Арье-Лёва-Лев-Лёв Ковнер:

Молодой израильтянин, отправившийся в Киевскую Русь X-го века за своей любовью, с которой познакомился на таинственном сайте "Случайного Соединения". В том мире у Земли два спутника: Луна и Месяц. Повествование ведется от его имени.

Анна-Ингимюнда-Ладислава, дочь Неждана из рода Бравлинов:

Любимая Арье, попавшая в наш XXI-й век с помощью Зеркала (это такой старинный артефакт, и я понятия не имею о принципах его работы).

Неждан, сын Ингваря из рода Бравлинов:

Отец Ани, княжеский сотник, командир заставы на Трубежском броде. Погиб в сражении с протовенграми.

Веда:

Ведунья из X-го века. Обладает экстрасенсорными способностями.

Элияху из Муромы, Добрыня, сын Добрыни, Олешко, сын Радонега:

"Спецназ" князя Владимира Киевского, возможно – прообразы трех былинных богатырей. Добрыня сражался трофейным японским двуручником, неизвестно как попавшим в Поле.

Соловей:

Бывший муромский мятежник, ставший предводителем разбойников. Был совершенно лыс и хорошо умел свистеть. Убит под Заворичами.

Глеб-кузнец и Куэрчи, его раб-печенег:

Обитатели средневековых Заворичей. Куэрчи погиб, защищая заставу.

Тархош из рода Акаши:

Предводитель мадьярских всадников, разбитых под Заворичами.

Эйтан:

Руководитель израильской группы по исследованию Л-энергии (не спрашивайте меня, что это такое, я и сам толком не знаю).

Рои:

Его ведущий специалист. Очень любит поесть. Гениален.

Майор Шумейко:

Начальник Подольского отделения УВД, Киев.

Мишель:

Приятель Арье, подсказавший ему адрес "Случайного Соединения".

Заворичи:

В наше время – село в Украине, в часе езды от Киева. В X-м веке – застава в виде детинца, защищающая (это не описка – именно "защищающая", а не "защищавшая") брод на реке Трубеж.

Канигард:

Скандинавское наименование Киева.

Самватас:

Так кочевники называют Киев.

Трубеж:

Левый приток Днепра (сам Днепр/Славутич в представлении, я надеюсь, не нуждается).

Тех же персонажей, что впервые появляются на страницах этой книги, я представлять не буду. Итак, мой Читатель – смелее вперед.

Век XXI-й

О, как мы твердокаменно считали:
Предвечна времени связующая нить.
Записанное в каменных скрижалях,
Не изменить, вовек не изменить!

Но пусть все мудрецы вопят о чуде -
Я вижу, времена сплелись в одно.
Ни то, что было, и ни то, что будет
Не решено, пока не решено!

Безумный Хронос пляшет вкруговую,
Сменяя времена попеременно
Все, что когда-то было – существует!
Одновременно! Да! Одновременно!

Проблемы XXI-го века

В пять часов пополудни в геймеровское кафе не бывает много посетителей. Вот и сейчас, кроме меня в заведении не было никого, только хозяин за стойкой и два подозрительных типа в дальнем темном углу. Мне они не мешали, так как я заканчивал свой кофе за одним из столиков под зонтиками на тротуаре. Подошла Анюта, улыбнулась мне, села и попыталась допить свой "латте", но не смогла – тряслись руки. Я отвернулся и сделал вид, что увлечен розовой голубей на противоположной стороне улицы. Что поделаешь, не провожать же ее в женский туалет, каждый раз как моей любимой захочется пописать. Ждать под дверью она мне тоже не разрешает, стесняется.

Когда, разобравшись с голубями, я повернулся к Анюте, она уже допивала свой кофе. Ну и слава Всевышнему. На второй год жизни в нашем мире, мою ненаглядную уже нелегко было бы отличить от какой-нибудь сабры, порожденной улицей Шенкин. К автомобилям, автобусам, поездам и прочим чудовищам она привыкла удивительно быстро, еще во время своих приключений в Украине. Современная одежда далась ей труднее. Из Киева в Тель-Авив она так и летела в свободном, длинном платье правда не своем, древнерусском, а сшитом на заказ в ателье на Крещатике. Одеть брюки, узкое платье или юбку она категорически отказывалась, называя их "бесовской одежей". Интересно, что перелет из Борисполя в Бен-Гурион она перенесла совершенно спокойно, может быть потому, что мы были вместе. Весь полет она смотрела то на землю за окном самолета, то на меня, спокойно улыбалась и терлась о меня плечом. А я смотрел только на нее, на женщину, преодолевшую десять веков в поисках своей любви так непринужденно, как иные переходят улицу.

Дома, в Нетании, ее абсорбция понеслась невообразимыми темпами. Уже через пару недель она щеголяла в джинсах и легком топике, лишь чуть-чуть краснея, когда на нее оглядывались на улице. И вообще, многие чудеса нашего мира она приняла как нечто естественное. Самолет был для нее добрым летающим Змеем, автомо-

биль – волшебной повозкой, телефон – разновидностью Зеркала. Ничего необычного, про такое и в ромейских книжках писано. Значительно больше восхитили ее маленькие бытовые удобства: льющая из крана вода, электрический чайник, пластик, который так легко моется, стиральная машина, смывной туалет. Про это ромейские книжки не писали и вот это-то и было для нее настоящей магией, в особенности нижнее белье.

Я часто вспоминал Веду, которая осталась за тысячу лет от нас. Как-то раз в порыве откровенности она сказала:

– Мне кажется, что твоя жена не принадлежит этому миру, также как и ты. Как будто она родилась не там где надо и не тогда, когда ей полагалось родиться.

Никто из тех, кто знал анину историю (а таких было считанное число), так и не сумел объяснить, как за неполных два года она овладела тем, что ребенок познает годами. Ведь тогда в Киеве, сообщая мой телефонный номер майору Шумейко, она даже не знала цифр, просто запомнила то, что я однажды написал палочкой на песке. Что же тогда сказать о таком сложном устройстве, как смартфон?. Ведь даже моя умная мама порой, доведя свой аппарат до коматозного состояния, заявляет: "Но я же ничего не делала?!" А моя Анюта легко водит пальчиком по экрану, набирает, делая не слишком много ошибок в иврите. "нет, сегодня я с Арье и пропущу занятия, извини" и сообщение с писком улетает к ее подруге.

Месяцы шли, чудеса стали привычными, а моя любимая давно уже ходила на курсы вождения и вскоре собралась получать права. Вот только к зеркалам она никак не может привыкнуть. Отполированная поверхность зеркала кажется ей бездонной глубиной, входом в иной мир, который может засосать и забрать ее от меня. Поэтому каждый поход в общественный туалет был для нее испытанием. Маленькое мутное зеркало в нашем подъезде казалось ей Зеркалом с большой буквы и я едва удерживал себя от желания его разбить. Дома у нас не было зеркал, а на кухне стояла миска с водой, в которую мы и смотрели перед выходом в люди. Иногда и мне казалось, что она права и зеркала опасны.

... Эйтан появился размахивая синими корочками.

– Ну наконец-то – сказал я вместо приветствия – А то мы уже начали думать, что возникла новая бюрократическая препона.

– Привет Ханна – улыбнулся он Аняте, игнорируя меня – Посмотри, что я тебе принес. Как это у вас называется?

– У нас это называется "удостоверение личности" – отпаривала она – А в Киев-граде это называлось "грамота".

Интересно, подумал я, какой год рождения там проставлен? Если написать правду, то моя супруга уже почти тысячу лет должна получать пенсию. Впрочем, точный год ее рождения не знает даже всезнающий толстяк Рои. Если судить по бумагам, то ей сейчас двадцать пять лет. На самом деле, как я подозреваю, она еще несовершеннолетняя. Это, однако, совсем не страшно: моя веселая Анята и моя ласковая Лада умеют, при необходимости, выглядеть суровой Ингмундой, ведь не случайно отец дал ей это родовое имя. Сотника Неждана уже больше тысячи лет нет в живых, но мы его помним и теперь мою супругу зовут Анна Неждановна Ковнер. Каждый раз, услышав этот официоз, она довольно щурится, собирая в уголках глаз веселые морщинки и мне становится тепло в груди. Вначале, когда мы с Эйтаном начали оформлять ее документы, она хотела было стать Ковнер-Бравлин, сохранив название своего скандинавского рода, но звучало это не слишком эстетично и, подумав, мы от такой идеи отказались.

Самые первые документы выдал Ане израильский консул в Киеве. Бросая на нас недоуменные и подозрительные взгляды, он все же выписал временный загранпаспорт с продиктованным ему по телефону идентификационным номером. Нам надо было торопиться, пока доброжелательный майор Шумейко ничего не заподозрил и не подключил "службу безпеки", просто так, на всякий случай. Один я, конечно, запорол бы все дело, но еще в аэропорту меня отловил вездесущий Эйтан и строго проинструктировал. Признаюсь честно, в тот момент я соображал не слишком хорошо и все время пытался сбежать чтобы не опоздать на киевский рейс. Но вырваться из его железных объятий было невозможно, так что пришлось выслушать и запомнить наизусть инструктаж. На посадку я все равно прибежал первым.

Три часа полета до Борисполя растянулись в моем застывшем сознании на века, а всю дорогу от аэропорта до Киева я едва удерживал себя от желания выбросить таксиста на обочину, самому сесть за руль и повторить свой стремительный проезд через Тель-Авив полугодичной давности. Кстати, потом я узнал, что в тот раз меня засекли все камеры видеонаблюдения, а из их записей умельцы собрали видеоклип и показывали потом в полицейских школах в качестве учебного пособия. От аннуляции прав и миллионных штрафов меня отмазал всемогущий Эйтан.

Когда мой самолет садился в Борисполе, консул уже успел "удостоверить" Анину личность и освободить ее из-под опеки майора Шумейко. Теперь она безвылазно сидела в номере гостиницы "Украина" под охраной сотрудницы посольства, с деланным безразличием на лице и с безмерным удивлением в душе объясняющей ей как пользоваться душем и туалетом. В этот номер я и ворвался, неосторожно повалив распахнутой дверью бдительную охранницу. Суровая дама немедленно выхватила оружие, но выстрела не последовало. Я так и вообще не заметил, куда делась охранница: в последующие часы в мире существовали только мы двое. Но когда в дверь начали стучать более настойчиво, нам наконец удалось оторваться друг от друга.

В общем, ее переезд в Израиль прошел стремительно и четко, как бывает всегда в нашей стране, если надо предпринять нечто неординарное. Ну а внутри страны, когда первые страсти улеглись, израильская бюрократия, ошарашенная аниным таинственным появлением, дала нам бой по всем фронтам. Такое, к сожалению, тоже случается в нашей стране. Гордые своею значимостью чиновники, покровительно посматривая на нас, требовали все новые и новые справки, документы и свидетельства. Потом они сокрушительно качали головой и выискивали все новые и новые параграфы запутанных законодательств, которым моей жене следовало соответствовать, но она, к великому их сожалению, не соответствовала. Как бы там дело не обстояло, но моя любимая уже была со мной, поэтому я был счастлив, доброжелателен и готов прощать чиновникам их маленькие слабости. Сама же Аня воспринимала эту бюрократиче-